

Александр Житинский

Спросите ваши души

Александр Николаевич Житинский

Спросите ваши души

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154211

Аннотация

«Вифлеемская звезда светила в окно, трубы замерзли и холод сковал дом. В эту ночь я родился...»

Содержание

Глава 1. Как я стал Джином	4
Глава 2. На ловца бежит зверь	25
Глава 3. Мачик	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Житинский

Спросите ваши души

Глава 1. Как я стал Джином

Вифлеемская звезда светила в окно, трубы замерзли и холод сковал дом. В эту ночь я родился.

На самом деле я родился тридцать три года назад в Лос-Анджелесе, где умер незадолго перед этим, 12 октября 1971 года, в возрасте тридцати шести лет. Мой отец был советским шпионом, а матушка – солисткой в русском балете на льду. Во время гастролей она осталась в Штатах, познакомившись с отцом. Отчасти благодаря этому отец и провалился. Это отдельная история, я ее когда-нибудь расскажу. А сейчас меня занимает совсем другое.

Обычно в таких семьях рождаются неординарные дети. Но я самый обыкновенный Джин, по-русски – Женя. Америки я не помню, меня увезла оттуда матушка двух лет от роду, когда отца обменяли на американского разведчика.

С родителями я давно не живу. Отец на пенсии, пишет мемуары, мама еще работает и воспитывает внуков – двух сыновей моей младшей сестры Полины, которая родилась уже в Советском Союзе.

Полтора года назад я получил новый объект – магазин «Музыкальные инструменты» на Васильевском. К этому времени я уже был опытным стрелком вневедомственной охраны, неплохо стрелял из «макарова» и поставил решительный крест на своем будущем. Охранники – это диссиденты нового времени. Они не успели попасть в закрома и торчат, как обалдуи, у закрытых дверей, охраняя собственность, которая им не принадлежит. Их молчаливый протест можно прочесть в глазах, зайдя в любой магазин или фирму, где они служат дополнением к офисной мебели и одновременно маленькой моделью горячей точки. Но никто не смотрит им в глаза. У стрелков ВОХРа есть время, чтобы все обдумать. Их сотни тысяч. Когда они до чего-то додумаются, будет поздно.

Магазин занимал три просторных полуподвальных зала и был набит машинами для извлечения звуков. Мне сразу там понравилось, где-то в дальнем зале играла волынка, покупателей было немного, свет просачивался сквозь стекла, заклеенные полупрозрачной зеленоватой пленкой, отчего помещение напоминало аквариум. Охранять это кладбище несыгранных нот было необременительно и приятно. Привел меня сюда хозяин магазина. Это был пожилой и потертый жизнью еврей, бывший второй альт филармонического оркестра. Фамилия его была Шнеерзон. Кажется, он начинал иг-

рать еще при Янсонсе. Свой первоначальный капитал, как я узнал позже, он сколотил на перепродаже компьютеров, которые привозил из зарубежных гастролей в советское время. Надо отдать ему должное – музыку он любил. Ассортимент в магазине был богатейший – вплоть до индийского ситара и непонятных трубок, извлечь из которых звук могли только специально обученные монголы. Ну и Сигма, понятное дело.

Да, ее звали Сигма. Дурацкое имя. Шнеерзон нас и познакомил.

– Этот мальчик из интеллигентной семьи, – сказал он Сигме. – Я попросил его начальника дать ему постоянный пост в нашей лавке. Я знал его отца.

Сигма невозмутимо кивнула. Вообще непонятно, зачем он ей это докладывал. Возрасту в ней было годков на двадцать с мышинным хвостиком, зато понтов на весь Лондонский симфонический оркестр, захавший на гастроли в Урюпинск.

Шнеерзон действительно поставил бутылку «Мартеля» моему начальнику Симагину, чтобы он не бросал меня с объекта на объект, а постоянно держал здесь. Напарником у меня был Игорь Косых, приятный такой парнишка, обучавшийся на флейте.

Режим у нас был зверский – сутки через сутки, но зато и оплата двойная, посетителей немного, это очень мягко говоря – иной раз за день заходили человека 3–4, а ночью можно

было спать в подсобке. С охранной сигнализацией Шнеерзон не поспешил, но все равно держал круглосуточную охрану.

Понять его можно. Одни монгольские дудки стоили двадцать пять штук баксов, а раритетная скрипка Гварнери, хранившаяся в ящике из пуленепробиваемого стекла, цены вообще не имела. Шнеерзон берег ее для аукциона на черный день, но, судя по всему, черный день откладывался на неопределенное время.

Кстати, фраза «Я знал его отца», оброненная Шнеерзоном, просто показывала, что они с моим папашей работали в одном ведомстве. Только папаша во внешней разведке, а мой нынешний шеф – во внутренней.

Так вот, о Сигме. Сигма была обыкновенной и единственной продавщицей в этом магазине.

Нет, она была необыкновенной и единственной.

Во-первых, она умела играть на всех без исключения инструментах, продаваемых магазином. Помню, шеф достал где-то по случаю за бесценок какие-то древние и необычайно ценные литавры. Он, как ребенок, прыгал по магазину и ударял этими литаврами друг об друга, производя дребезжащие звуки и распугивая покупателей.

Сигма невозмутимо наблюдала за ним, потом сделала жест, обозначающий: «Дайте мне». Хозяин беспрекословно передал ей медные тарелки. Вообще, я не устаю удивляться той реальной власти, которую имеет Сигма в нашем магази-

не. Притом, что она даже не родственница Шнеерзона и вообще не еврейка, судя по внешности.

Сигма взяла литавры своими узкими ладонями, сначала слегка дотронулась краешком одной тарелки до другой, отчего возник тончайший и нежнейший звук, похожий на натянутую серебряную проволоку, а потом вдруг резко соединила тарелки, произведя тот самый звон, который зовется малиновым.

Шнеерзон утер слезу и сказал:

– Си, ты гениальна. Как всегда. Купи себе мороженое.

И положил перед ней на прилавок сотенную. Сигма не моргнув убрала сотенную в кошелек.

Таким образом она зарабатывает нередко. Причем не только от Шнеерзона, но и от посетителей-музыкантов, знающих толк в звукоизвлечении.

Чаще всего ей приходится играть на роялях, демонстрируя их звук. Шнеерзон при этом стоит, опершись на крышку, как оперный маэстро, глаза его сияют, всем своим видом он говорит: таки вы видели такие инструменты и такую игру?

Когда Си спрашивают, где она училась, она пожимает плечами и загадочно улыбается. Но Шнеерзон под большим секретом и только своим (таких у него полгорода) уверяет, что у Сигмы нет никакого музыкального образования. Вообще никакого.

Во-вторых, внешность ее весьма экстравагантна. Она высокая, смуглая, лицом напоминает то ли индианку, то ли

филиппинку. Длинные черные волосы заплетены в десятки тонких африканских косичек-дредов. Природное изящество таково, что даже я, не слишком чувствительный к таким вещам, успеваю оценить излом руки в жесте, которым Си указывает на тот или иной инструмент: «Могу предложить это...»

Бизнес Шнеерзона целиком держится на этой загадочной девушке. Хорошо, что старик это понимает. Я не знаю, сколько он платит Сигме, но думаю, что не меньше штуки.

При том, что она явно нерусских корней, говорит по-русски чисто, без всякого акцента да еще с молодежным сленгом, которого неизвестно где нахваталась.

Поначалу Си (так ее зовут практически все, даже постоянные покупатели) обращала на меня внимания не больше, чем на железный стул, на котором я сидел при входе, – в камуфляжной форме с пистолетом на боку.

Но все изменилось в одночасье.

Однажды я зашел в небольшой зал магазина, где Шнеерзон продавал светомузыкальные эффекты. Как раз в тот момент Сигма показывала там действие установки каким-то парням из ночного клуба. Мигали стробоскопы, грохотала музыка, а Сигма извивалась в центре зала в длинной юбке.

Она еще и танцует, как богиня.

Внезапно она остановилась и уставилась на меня в синих вспышках фонарей. Глаза меня поразили: черные, глубокие,

страшные.

– Ты... что? – прошептал я, но слов все равно слышно не было.

Она разом вырубилла музыку и включила обычный свет.

– Как тебя зовут? – тихо спросила Си.

– Женя. Евгений... – я растерялся, я ведь работал уже две недели, могла бы и запомнить.

– Клево... Джин! Ты Джин, – объявила она, глаза ее вспыхнули, она снова включила стробоскоп и завертелась в танце.

Какой на фиг Джин! Я разозлился, но Си более не обращала на меня внимания.

Однако через несколько дней явился ее друг Костик, молодой человек в очках, типичный школьный отличник. Я его пару раз видел до того, он приходил к Сигме, и она играла для него на тубе, а в другой раз на электрогитаре с двумя грифами. При этом они очень смеялись. Дело было перед самым закрытием магазина, никого из покупателей не было, правда, причину столь бурного веселья я не понял.

На этот раз Костик подсел ко мне, подтащив вращающуюся табуретку от рояля к моему стулу и, не переставая крутиться туда-сюда, повел со мною разговор. Этим вращением он меня раздражал.

– Евгений, вы ведь в Америке родились? – спросил он.

– Откуда вы знаете?

– Я справлялся у Шнеерзона.

– Зачем тогда спрашивать? – пожал я плечами. – Это имеет какое-то значение?

– Все имеет значение. И место, и время... – он оттолкнулся ногой от пола и сделал полный оборот на своей табуретке.

– Да перестаньте маячить! – не выдержал я.

Он резко остановил вращение.

Сигма в это время за прилавком как ни в чем не бывало наигрывала на блок-флейте «Ах, мой милый Августин».

– Я хочу предложить вам испытание, – сказал Константин.

– Какое еще испытание? – Мне это начинало уже не нравиться.

– К сожалению, я не могу пока сказать. Потом вам будет разъяснено. Вы должны быть спокойны, ничего страшного или опасного для вас не произойдет. Нечто вроде сеанса гипноза. Но это не гипноз. Исключительно в интересах науки.

– Где и когда? – спросил я.

– Здесь, после закрытия магазина, – он указал на помещение со светомузыкой.

– О'кей, – пожал я плечами.

К закрытию магазина неожиданно подошел директор соседнего с нами издательства Станислав Сергеевич. Издательство у него небольшое, типография еще меньше. Но все же работают человек пятнадцать: редакторы, печатницы, переплетчицы – в основном женщины среднего возраста. Мы до-

вольно часто слышим из их окон хоровое пение, когда они празднуют дни рождения, государственные или престольные праздники, а также получку. Практически недели не обходится без пения русских романсов и блатных песен.

Издательство, кстати, издает эзотерическую литературу. Директору, как я понял, по фигу, что издавать, но его жена тяготеет к йоге, нейролингвистическому программированию, читает Шри Ауэрбиндо и тому подобную чушь.

Но дело не в этом.

Однажды под Новый год, когда пение эзотериков достигло особой силы одушевления, Сигма посоветовала Шнеерзону:

– Вы бы, Моисей Львович, подарили им караоке, что ли?

Слушать же абсолютно в лом.

– Ага, как же. Подарили... – пробормотал Шнеерзон.

Не знаю, как там дальше развивались события, но директор издательства именно тем вечером, когда меня готовили к испытанию, пришел покупать караоке своим сотрудницам к Женскому дню, который уже близился. Значит, Шнеерзон сумел-таки ему втюхать эту прекрасную машину с двумя тысячами русских песен.

Шнеерзон закрыл магазин, и два директора прошли в зал светомузыки, где стояло это чудо. Мы потянулись туда же, предвкушая зрелище небывалого масштаба.

– Ну-с, с чего начнем? – спросил Шнеерзон, включая аппарат.

– Давайте с нашего, русского, Моисей Львович, – проник-

новенно произнес эзотерик.

– Как скажете! – Шнеерзон что-то покрутил, полилась музыка, на экране возникли слова:

Вот кто-то с горочки спустился.

Наверно, милый мой идет.

На нем защитна гимнастерка,

Она с ума меня сведет...

– Да вы пойте, пойте! – подбодрил Шнеерзон и сделал нам знак рукой, чтобы мы тоже включались в маркетинг.

И мы дружно грянули вместе с директорами:

На нем погоны золотые

И яркий орден на груди.

Зачем, зачем же повстречался

Ты мне на жизненном пути!

Эзотерику понравилось.

– А похулиганистей чего-нибудь? У меня тетки боевые. С матерком можно...

– Есть такая музыка! – молодецки воскликнул Шнеерзон, как Ленин, когда кричал, что есть у него такая партия.

С визгом, балалайками и гармошками полилось что-то неизвестное мне, пересыпаемое матом, – частушки какие-то, которые, к моему удивлению, Сигма и Шнеерзон охотно подхватили.

Ах, Семеновна, баба русская!..

Ну и так далее, не буду повторять, что у нее там широкое, а что наоборот.

Короче, Станислав Сергеевич караоке купил и потащил к себе в издательство. Точнее, мы с Костиком и потащили, а там спрятали до праздника в книжных пачках.

Мы вернулись в магазин и приступили к испытанию, как назвал это Костик. Шнеерзон не ушел. Как оказалось, он был полностью в курсе дела. Но вдруг снова явился директор издательства с бутылкой коньяка.

– Это дело надо обмыть! – сказал он.

Шнеерзон тут же организовал столик в зале светомузыки. Столик он соорудил из электрического пианино стоимостью две тысячи баксов, правда, накрыл его газетой. И директора уселись в сторонке, потягивая коньяк и наблюдая за испытанием.

Костик расположил меня в центре зала лицом ко входу. Свет погасил. Сигмы пока не было. Мерцал пульт светомузыки. В руках у Костика оказалась тонкая указка длиной в полметра. На самом кончике указки светилось красное пятнышко.

Заиграла музыка непонятного происхождения. Типа той, что заунывно играет перед концертами «Аквариума» под ак-

компанемент переливающихся друг в друга красок.

– Расслабься... – шепнул Костик.

Вдруг в зал вошла Си, сделала два шага ко мне и остановилась в метре. Она смотрела мне прямо в глаза. Я почувствовал какой-то странный восторг, смешанный с почти мистическим ужасом, – настолько страшными и неземными были ее глаза. Черные расширенные значки и радужная переливающаяся оболочка вокруг них – тонкий кружок, как протуберанцы на Солнце во время затмения.

Да, забыл сказать: Си была абсолютно голая, не считая черного треугольничка, прикрывавшего лобок.

Я успел заметить, как у директора Станислава Сергеевича медленно отвисает нижняя челюсть и коньяк тонкой струйкой выливается из наклоненной рюмки. А дальше я уже себе не принадлежал, хотя был в полном сознании и памяти.

Костик, стоявший чуть сбоку и позади Сигмы, направил на меня указку. Из ее конца мне в грудь уперся тончайший красный лучик и принялся медленно сканировать вправо-влево, как бы ища нужную точку.

– Правее, – шепнула Сигма, не отрывая глаз от меня. – Стоп!

Лучик остановился, и в то же мгновение я испытал... Но что же я испытал? Одним словом не скажешь. Счастье? Одухотворение? Любовь?

Все не то.

Благодарность!

Вот это ближе всего. Благодарность непонятно к кому и непонятно за что.

– Кто ты? – спросила Си. – Расскажи о себе.

Я послушно открыл рот и, ни чуточки не удивляясь происходящему, стал говорить следующий текст на английском языке:

– My name's Gene Vincente. Well, actually really my name was Vincente Eugene Craddock, but when I started playing music I chose another name for myself. Right now, yeah, I'm as good as I used to be a couple of years ago, but still some guys come to listen to me. Well I'm not so hot as Elvis, you know... But anyway, everybody is nothing more than just himself, isn't it?¹

Ну, в школе я английский учил, как и все. Но не настолько знал его, чтобы с ходу выдать такой монолог. Да и не в английском дело, а в той странной, мягко говоря, информации, которую я тут озвучивал.

– Ты можешь спеть что-нибудь? – вкрадчиво проговорила Сигма, блеснув глазами.

– Yeah, that's OK. This song made me a star in two weeks. I made it in the hospital when I was supposed to be a fucking

¹ – Меня зовут Джин Винсент. Вообще поначалу меня звали Vincente Eugene Craddock, но когда я стал музыкантом, я выбрал себе новое имя. Сейчас мои дела не так хороши, как несколько лет назад, но я еще собираю публику. Потягаться с Элвисом мне оказалось не по силам, ну что ж... Каждому свое, не правда ли? (англ.).

Marine, and I was trying not to be...²

И я запел:

Well Be Bop A Lula she's my baby
Be Bop A Lula I don't mean maybe
Be Bop A Lula she's my baby
Be Bop A Lula I don't mean maybe
Be Bop A Lula she's my baby doll,
my baby doll,
my baby doll...

Тут Костик, отойдя к пульту, нажал какой-то рычажок, и темная комната, мерцающая вспышками света, огласилась звуками этой песни, но уже под аккомпанемент ансамбля, при этом уверенность, что это моя запись, что пою на этой пластинке я – Джин Винсент, была у меня полнейшая.

Си закрыла глаза, повернулась и вышла из комнаты.

Костик выключил свою лазерную указку.

Музыка продолжала играть, но это была уже не моя музыка. Это была песня, которую я вообще впервые слышал!

Первым опомнился Станислав Сергеевич. Он влил в себя рюмку коньяка, покрутил головой, легонько похлопал себя ладонями по щекам и сказал:

² – О да, охотно. Вот эта песенка сделала меня знаменитым за две недели. Я сочинил ее в больнице на военно-морской базе, я тогда хотел скопировать с флота... (англ.).

– Весело тут у вас!.. Ну, я пошел. Спасибо.

И вышел на цыпочках.

Шнеерзон прощально взмахнул ему вслед рюмкой и тоже выпил.

– Пошли поговорим, – сказал мне Костик.

– Куда?

– Пива поьем, у тебя же смена кончилась.

Действительно, мой сменщик Игорь Косых уже был тут. Он явился, как раз когда я допевал свой хит и так и остался стоять в дверях с озадаченно-идиотским выражением на лице.

– Пошли, – сказал я.

Я думал, что Сигма тоже пойдет с нами, но в соседний с магазином бар «Инкол» пошли мы вдвоем. Взяли по пиву, усадились за столик в углу, и Костик сказал:

– Ну? Ты понял?

– Что тут понимать? Гипноз, – сказал я.

– И твой английский – гипноз?

– Ну да. Я читал. Можно внушить хоть арабский.

– Кстати, ты знаешь, кто такой Джин Винсент? – вдруг спросил он.

– Без понятия. А что, есть такой чувак?

– Был, – сказал Костик. – Он умер в Лос-Анджелесе 12 октября 1971 года. А ты когда родился?

– 21 октября 1971 года.

– Через девять дней, иными словами. И тоже в Лос-Ан-

джелесе. Связи не улавливаешь?

– Ага, как же. Улавливаю. А еще в Лос-Анджелесе отравилась Мэрилин Монро. Но несколько раньше. И что?

– Ну, куда делась ее душа, нам еще предстоит выяснить, – совершенно серьезно сказал Костик, – а вот то, что душа рок-музыканта Джина Винсента на девятый день после его смерти переселилась в новорожденное тельце Женечки Граевского, – тут он ткнул в меня пальцем, – это, считай, уже доказанный факт. Ты – очередная инкарнация этой души.

– Ты серьезно? Костик, ты учти, я в эту мутотень эзотерическую не верю ни на грош. Я вообще материалист.

– Это твое личное дело, Джин, – сказал Костик и чокнулся со мною кружкой пива.

Короче говоря, просидели мы так с ним часа три и выпили по два литра пива. Костик рассказывал мне о феномене Сигмы, а я слушал, не зная верить этому или нет. Должно быть, он рассказывал не все. А я не всему верил. В результате в меня улеглась такая примерно информация.

Сигма обладает паранормальными способностями (допустим!), и самая главная из них та, что она способна при определенных условиях видеть прошлые инкарнации человеческой души.

То есть христианство побоку, работаем в сфере индийской философии и религии. Души никуда не деваются, не возносятся на небеса, а вечно обитают тут, переходя от че-

ловека к человеку, а иногда к зверю или растению и одушевляя их.

В самой популярной форме это изложено в песне Высоцкого о том, «что мы, отдав коньки, не умираем насовсем».

Ну, тоже допустим, хотя с огромным скрипом.

По словам Костика, они с Сигмой учились в одном классе. Потом Костик пошел на биофизику в Университет, а Сигма никуда не поступила, поболталась в нескольких фирмах и вот осела у Шнеерзона.

– Ну, и как выяснились эти... ее способности? – спросил я.

– Еще в школе мы что-то такое странное в ней замечали. Часто угадывала разные вещи. Если придумывала прозвища, то они прилипали намертво. Одного парня прозвала Хорек, он так и остался Хорьком, хотя фамилия у него была Гусев. Си потом рассказывала, что душа этого Гусева раньше жила в хорьке.

– Ну, положим, это все простое гонего, – сказал я.

– Возможно. Но вот слушай про меня... – продолжал он.

Это произошло около года назад, в магазине Шнеерзона. Костик монтировал там очередную световую гирлянду (он вообще во всякую электронику на раз врубается). Опять что-то мигало, переливалось, а Си от нечего делать принимала всякие позы.

Потом вдруг внимательно посмотрела на Костю и говорит:

– Ты кто?

– Кот, – ответил он как-то механически.

– Правильно, – кивнула она. – Рыжий кот с черными полосками. А как тебя зовут?

И он почему-то сказал: «Шалопай».

– ...Ты понимаешь, это само собой выскочило, я даже успел подумать, что это за глупые шутки у меня сегодня, а она рассмеялась и сказала, что в прошлой жизни я был рыжим котом Шалопаем. Ну вот так пошутили – и хватит... – возбужденно продолжал Костик.

А дальше было вот что.

Где-то через месяц в семье Костика было торжество – юбилей дедушки, семьдесят пять лет ему исполнилось. И вся Костикина семья поехала в гости к этому дедушке на квартиру, где раньше они все вместе жили, двадцать лет назад, и где, собственно, и родился Костик. Уже через год после его рождения его родители получили свою квартиру и уехали оттуда.

И вот за праздничным столом и за воспоминаниями о тех немыслимо далеких временах, о которых Костик, конечно, не помнил, его мама вдруг вздохнула:

– А вот в этом кресле любил спать Шалопай...

Костика как током ударило. Но он попытался не подавать виду.

– А кто это – Шалопай?

– Кот у нас такой был, – сказал дед. – Ты его не видел. Он был старый, как я сейчас, и умер аккурат перед твоим

рождением.

– Рыжий? С черными полосками? – спросил Костик.

– Ну да. На тигра смахивал. А ты откуда знаешь? – удивилась мама. – Я тогда так ревела, что чуть выкидыш не случился...

Выходило, что душа Шалопая, притаившись где-то, ждала появления Костика целый месяц (он потом проверял даты), а потом, так сказать, впрыгнула в младенца. А почему какая-нибудь другая душа не сделала этого, пока Костик был в роддоме?

Нет, слишком все это было похоже на бред, на очередную эзотерическую лабуду.

– Ты не думай, до кота я был человеком, – сказал Костик хмуро. – Токарем первого разряда Филимоновым Аркадием Палычем. Он мне даже не родственник, ни хера о нем не знаю.

Ну анекдот ведь!

Токарь Филимонов – кот Шалопай – Костик Завьялов, биофизик и юзер Интернета. Неплохая эволюция Божественной души!

Я выслушал все эти байки бывшего кота с любопытством, но не более. Попутно Костик сообщил, кто еще проходил проверку на реинкарнацию. Предыдущей инкарнацией души Шнеерзона, родившегося в 1937 году, был один политза-

ключенный из Казахстана, сидевший в лагере вместе с отцом Шнеерзона (семья Шнеерзона в это время была там в ссылке). Все выглядело так, будто отец эту душу своего друга и послал маленькому Шнеерзону, сам же умер в лагере через несколько лет.

Внучки Шнеерзона, которых неугомонный Моисей Львович приволок на исследование к Сигме, имели совершенно различные происхождения душ. Одна раньше жила в кактусе на подоконнике в квартире Шнеерзона, а другая прилетела откуда-то издалека, потому что раньше принадлежала татарскому сапожнику Фазилю, жителю Петербурга.

Шнеерзон, страшно огорченный этими открывшимися данными, особенно мусульманином Фазилом, а не кактусом, что странно, максимально их засекретил и вообще объявил, что погрешность исследований Сигмы может быть очень велика.

Собственно, на этом аттракционы и прекратились. Один Костик как биофизик продолжал работать с Сигмой, в частности, соорудил эту лазерную указку, помогавшую, по словам Костика, забраться поглубже во времени. У Костика обнаружили такие душевные предки, как купец Степан Киреев, индийская девушка Зари, индийский же слон и какой-то каменщик – строитель Тадж-Махала.

Видимо, душа Костика медленно, но неуклонно мигрировала из Индии в Россию. И никакой закономерности. Слон, кот и индийская девушка в одном душевном роду – это как-

то более чем странно.

Пока я был самым знаменитым из испытуемых. Точнее, не я, а предыдущая инкарнация моей души. Сигма, кстати, как любитель музыки узнала Джина Винсента, когда он ей привиделся в свете мерцающих стробоскопов.

Однако это открытие никак не отразилось на моей службе. Меня не повысили, и я по-прежнему через день торчал в магазине с пистолетом на боку. Впрочем, прочитал статью о Джине Винсенте и переписал на кассету его основные хиты. Как-никак, я теперь чувствовал с ним духовное родство.

Костик же воодушевился и предлагал продолжать опыты втайне от Шнеерзона по вечерам.

– Зачем? – спросил я.

– Джин, мне обидно, что ты так туп. Впрочем, тяжелое американское наследство... Я хочу ухватить ее за хвост.

– Кого?

– Душу. Она считалась субстанцией нематериальной. А вот мы ее поймаем. А это, Джин, Нобелевская премия как минимум. Скорее всего, это квант неизвестной нам энергии. И то, что Си умеет этот квант видеть, вернее, как-то на него реагировать, – это большая удача для нас.

– Для тебя, – сказала Си.

– Си, не пройдет и года, как ты станешь мировой звездой, – сказал Костик.

– Мне это надо? – сказала она.

Глава 2. На ловца бежит зверь

Шнеерзон допустил явную ошибку, когда, соблазненный коньяком, пригласил на испытания директора эзотерического издательства. Хотел похвастать, наверное. Вот, мол, какие у нас кадры!

Станислав Сергеевич (кстати, в прошлом известный поэт на рабочую тему) расписал в своей фирме эксперимент в красках, в результате чего они тут же решили делать книжку про Сигму, реинкарнациях, свойствах души и прочую ботву. Другими словами, лепить из нашей милой Си образ Джуны Давиташвили или еще круче.

И даже редактора назначили – Ингу Семеновну, которая первой и явилась к Сигме.

Си в тот день была в дурном настроении. Обычно это у нее выражалось в том, что она играла на медных духовых. На этот раз она выбрала сакс-баритон и разгуливала по салону, выдувая из этого прибора классическую вещь «Маленький цветок».

Эта композиция создана для сакса-тенора, на баритоне она звучит грубо, к тому же Си сознательно утрировала какие-то пассажи, так что получалась по существу злобная пародия на лирическую композицию.

И тут явилась Инга Семеновна – дама лет сорока с копейками, у которой поверх черного свитера болтался увесистый

православный крест.

– Могу я видеть Сигму Луриевну? – спросила она у меня.

Я чуть со стула не упал, услышав впервые отчество Сигмы.

– Кого-о? – не слишком вежливо переспросил я.

Редакторша заглянула в бумажку.

– Сигму Луриевну Моноблок, – прочитала она.

Я ухватился за стул обеими руками и показал подбородком на Сигму:

– Вот она.

При этом в голове у меня молнией проскочило короткое матерное слово.

Редакторша подошла к Сигме, представилась и начала издалека подводить разговор к нужной теме. Что вот, мол, они ищут новые идеи, новых авторов и героев, их интересуют таинственные природные явления и не согласится ли Сигма Луриевна написать брошюрку о своем чудесном даре.

А ей помогут. И литератор есть, и редактор...

Сигма, опустив сакс, молча слушала. Потом изрекла всего одну фразу:

– Да идите вы в жопу.

И продолжала играть «Маленький цветок». Не стоит и говорить, что редакторшу с крестом на свитере будто ветром сдуло.

Пока повергнутая в ужас редакторша рассказывала своим коллегам о приеме, который ей оказала Сигма Луриевна,

я расскажу о происхождении столь экстравагантного имени нашей продавщицы.

Об этом я узнал много позже, но поскольку образовалась пауза, тут будет к месту.

Итак Сигма Луриевна Моноблок была без роду-племени, она была подкидышем. Ее нашли в возрасте примерно шести недель, завернутую в одеяльце с кружевной салфеточкой, на задворках родильного дома, где стоял флигель, используемый для хозяйственных нужд.

Прямо на ступеньках флигеля она и лежала.

Выхаживала ее врач Анна Яковлевна Лурие – и выходила всем на удивление.

А в регистратуре этого роддома сидел один образованный придурок (его имени история не сохранила), в обязанности которого входило регистрировать подкидышей и давать им имена и фамилии.

Придурок этот имел склонность к Древней Греции и вообще был клинический идиот. Ему нравилось давать подкидышам имена в виде букв греческого алфавита. Альфа, Бета, Гамма, Омикрон, Эпсилон. Хватало и на девочек, и на мальчиков.

Так Сигма стала Сигмой, отчество, естественно, получила по фамилии выходившего ее врача Анны Яковлевны Лурие, а фамилию этот любитель словесности записал Моноблок, потому что тот флигель, на ступеньках которого нашли Сигму, в роддоме называли почему-то моноблоком.

Когда ему говорили, что это как-то уж слишком кучеряво получается, он надменно возражал:

– Почему фамилия Блок есть, а Моноблок – нет? А Блок, между прочем, был великим поэтом!

Ну, против этого не попрешь, понятное дело.

Но на этом приключения Сигмы со своим именем не кончились. Естественно, она попала в детский дом с этой придурковатой фамилией, а в три года ее удочерила чета супругов Дерюжиных, которая переименовала Сигму в Эсмеральду.

И она стала Эсмеральдой Васильевной Дерюжиной, что, согласимся, звучит значительно роскошнее.

Однако, жизнь Сигмы-Эсмеральды в семье Дерюжиных как-то не складывалась, приемные родители лепили один образ, а Господь Бог имел в виду совсем другой. В результате Сигма, когда получала паспорт, приняла прежнюю, детдомовскую фамилию, а из дома Дерюжиных ушла.

Ко всеобщему облегчению.

Можно было, конечно, при получении паспорта вообще все поменять и назваться хоть Афродитой Брониславовной Цеханович-Найман, но Сигма от природы была девушкой концептуальной, потому и осталась просто Сигмой Моноблок, а недовольных этим посылала туда, куда только что отправилась эзотерическая редакторша Инга.

То есть в издательство.

Из которого вскоре, пока вы слушали эту историю, при-

бежал сам рабочий поэт Станислав Сергеевич и начал уговаривать Сигму, суля ей славу и гонорары.

Сигма его в зад не посылала, но продолжала нагло наигрывать «Маленький цветок» с интонациями, полными сарказма. Это был готовый цирковой номер. Станислав Савельевич, ужасно удрученный, ушел ни с чем, впрочем, пообещал разработать новые предложения.

– Си, а вправду, что ты со всем этим собираешься делать? – спросил я, когда мы остались одни.

– С чем? – Она отложила наконец саксофон и подошла ко мне.

– Со своими тараканами.

– Ха! Тараканами... Это глюки, пока только глюки. Доберемся до сути, тогда посмотрим. А сейчас рано. Души нельзя пугать, понимаешь? Это же тебе не хомячки. Посадил в клетку и наблюдаешь.

Сравнение моей души с хомячком мне понравилось, и Си предложила мне снова вечером попробовать сеанс. Без Костика. Я согласился. Мне было любопытно.

Вечером мы закрыли магазин и остались вдвоем. Эта ночная смена была моя. Я зашел в зал светомузыки и погасил там свет. Почему-то я волновался больше, чем в первый раз.

Как вдруг по стенам заиграли разноцветные неяркие сполохи, зазвучала музыка, и в зал вступила Си – абсолютно голая, как и тогда, даже подобия трусиков на ней не было. Она подошла ко мне совсем близко, и я опять увидел ее бездон-

ные черные зрачки. Я непроизвольно протянул руки к ней и обнял за талию. Она подалась ко мне и мы поцеловались.

– Gene, what’s your girl’s name? – спросила она.

– Betty, – прошептал я.

– Does she looks like me?

– Yeah, she’s exactly like you.

– Sing me, Gene. Sing me our favourite.³

И я снова запел «Лулу-боп-лулу». И мы с Сигмой стали танцевать в этой полутемной, играющей огнями комнате. Очень медленно.

Си немного отодвинулась от меня и разглядывала мое лицо.

– Вижу рыцаря на коне. Он со свитой. Ты был богат, а вот и твой замок... Это Франция... Нет, Шотландия. Твоя душа жила в Шотландии, и звали тебя... – медленно и загадочно шептала она... – сэр Пол Маккартни! – внезапно громко закончила Сигма и расхохоталась. – Поверил, да? Поверил?

– Да ну тебя! – я был обижен.

– Ой, прости, я неодета, – кокетливо произнесла Си и удалилась, чтобы вернуться через минуту в своем нормально одеянии – свитере и джинсах.

Я по-прежнему дулся, сидел, отвернувшись.

– Ну, прости, – она подошла сзади и принялась ерошить

³ – Джин, как зовут твою девушку?– Бетти.– Она похожа на меня?– Да, она точно такая же.– Спой мне, Джин. Нашу любимую... (англ.)

мне волосы. – Видишь, как просто дурить народ? А я хочу по-настоящему.

– Так ведь пел я по-настоящему! Я Джин или не Джин?? – закричал я.

– Здесь без обмана. Чисто. Ты Джин Винсент, основатель рокабилли. А рыцаря я не видела, потому что видела тебя и мне тебя хотелось... Когда хочется, у меня не получается. Прости. Проехали.

– Ты предупреждай в следующий раз. А то я, понимаешь, готовлюсь увидеть себя в прошлом, а оказывается, нужно тебя трахать... – нарочито грубо сказал я.

– Ну, до трахать тебе еще далеко, – заметила она деловито и повторила: – Проехали. Прихоть королевы бензоколонки.

Во всяком случае, этот эпизод поднял ей настроение, чего не скажешь обо мне.

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, сразу скажу, что некая иллюзия личной жизни у меня имелаась. При работе сутки через сутки это может быть только иллюзией. В качестве иллюзий выступали две девушки: одну я любил больше, но она приходила ко мне домой реже. Вторую я любил меньше, но приходил сам к ней чаще. У нее была отдельная квартира, а у меня всего лишь комната в коммуналке, полученная в результате размена родительской квартиры. Ни с той, ни с другой я не строил matrimониальных планов. Один кратковременный и ужасный опыт в этом роде я произвел в двадцать два года, и пока мне его вполне хватало.

Но этот поцелуй и танец сблизили нас, мы стали доверять друг другу.

Я понял, что Си имеет насчет себя планы, и большие, но не хочет размениваться на пустяки вроде эзотерических брошюр и шарлатанских объявлений в бесплатных газетах.

Такие же планы имел Костик в виде Нобелевской премии. Он строил прибор, умеющий видеть души и их местоположение. Он его уже даже назвал: спироскоп. Правда, прибор пока ничего не видел.

Я заметил, что Си, работая с покупателями, обязательно показывает им зал светомузыки в действии, и догадался, что там она проверяет покупателей на происхождение души.

– Ну, никто интересный не попался? – как-то спросил я, когда она выводила оттуда очередную группу дискотечников.

– Догадливый... – улыбнулась она. – Кандидаты наук, подполковники, есть один волнистый попугайчик.

– Это который?

– Вон тот, – указала она глазами на удаляющегося молодого человека, одетого ярче остальных, с цветным шарфом в полоску.

А вот то, что Си употребляет перед этим марихуану, я догадался не сразу. Она курила ее в подсобке (собственно, странный запах, исходящий оттуда, и навел меня на эти мысли).

– А иначе ничего не получится, – сказала она, когда я

спросил ее прямо, зачем она это делает.

Впрочем, интерес к опытам Сигмы постепенно нарастал и без наших усилий. Эзотерическое издательство продолжало обсуждать феномен, слухи распространялись между авторами и читателями, а поскольку процент неадекватных личностей среди этой публики достаточно велик, то неудивительно, что вскоре стали поступать заказы.

Шнеерзон устроил совещание. Он вызвал Сигму, Костика и меня и выложил перед нами несколько заявлений.

– Мне пишут! Вот! – он схватил листок. – «Пожалуйста, помогите определить, кем я был раньше. Моя мама считает, что каторжником. Вова Егоров». А? – он бросил взгляд на Сигму. – Доигрались! Все это я, старый дурак! Не пресек вовремя. Что будем делать?

– Интересно же людям... Чего такого? – спросил Костик.

– А вы подумали о лицензии на такого рода деятельность? О налогах? Да меня в бараний рог скрутят, если я при музыкальном магазине открою частную практику черной магии!! – кричал Шнеерзон. – И заработок упускать не хочется... – уже жалобно добавил он. – Это ведь могли бы быть такие деньги...

После короткого мозгового штурма постановили следующее:

1. Вывесить расписание индивидуальной демонстрации светомузыки и таксу. Сеанс – 5 минут, количество сеансов в день – не больше шести.

2. Стоимость сеанса – 1000 руб.

– Не много ли? – засомневался Костик.

– Котя, вот увидишь, что вскоре это будет стоить сто баксов, – ласково произнес Шнеерзон. – Я знаю людей.

С Сигмой шеф поделился по-братски: фифти-фифти, а нам обещал премии. Мы с Костиком единственные из персонала допускались на сеансы с подпиской о неразглашении результатов. Я должен был обеспечивать безопасность Си, а Костик испытывать и настраивать аппаратуру.

– Си, только я тебя умоляю: работай одетой. Не хватало мне статьи за порнографию! – взмолился Шнеерзон.

– Да вы знаете, что такое порнография?! – заорала Си. – Порнография, бля! Это легкая эротика!

– Ну все равно, – испуганно замахал руками хозяин.

Порешили, что Си будет выступать в легком трико типа гимнастического.

Через неделю запись на сеансы «черной магии» перевалила за сотню человек. Си работала каждый день перед закрытием магазина, давая по 6 сеансов – больше она не могла. Пять минут на сеанс, пять минут отдыха.

И вот как это выглядело.

В полутемном зале клиента сажали на высокий стул лицом ко входу. У стен по бокам, почти невидимые, располагались мы с Костиком. Костик включал светомузыку и в дверях, освещенная прямым лучом синего прожектора, появля-

лась Си.

Она подходила к клиенту, делала несколько пассов и начинала задавать ему вопросы. Первый был – как его зовут, а дальше вопросы могли варьироваться.

Нашей с Костиком задачей было хранить суровое молчание, что, замечу, было непросто, потому что, когда на вопрос «Как тебя зовут?» пожилая женщина отвечает «Туся», а на следующий «Кто ты?» заявляет, что она черная такса, то тут трудно сохранить самообладание.

Впрочем, такие экскурсии душ в мир фауны и флоры были сравнительно редки. Чаще предки испытуемых оказывались вполне добропорядочными Сидоровым Карпом Игнатьевичем, или Майсурадзе Тенгизом, или Майей Точинской, потом рассказывали, что живут они в Питере, Омске или Ку-таиси, сколько им лет, а в конце говорили, когда они умерли.

Вот в этом месте было немного не по себе.

– Меня экипаж переехал, да-да, параконный, как сейчас помню, я за мячиком побежал... Мамаша недоглядела за ребенком, – рассказывал довольно древний старик, девятнадцатого года рождения.

Естественно, сеансы эти никак не протоколировались. Клиенты прекрасно помнили, что они о себе наговорили, так что, в случае чего, могли предъявлять претензии только себе.

И все равно некоторые уходили обиженными, когда выясняли, что в прошлой жизни они были кроликом или луком репчатым. А одна красивая и молодая барышня, узнав, что

ее бессмертная душа обитала в бабочке-моли в гардеробе на Большой Зеленина, расплакалась и убежала, не дожидаясь конца сеанса.

Там ее и прихлопнули, на Большой Зеленина, двадцать три года назад. Ей бы радоваться, что ее душа обрела наконец такую совершенную и, прямо скажем, сексуальную форму, значительно более эффектную, чем какая-то моль, а она плачет!

И вся эта рутинная, однако, приносящая барыши работа, продолжалась месяца два, пока не произошло следующее.

На сеанс записалась тетка лет пятидесяти, брюнетка, кудрявая, с толстыми губами, по виду несколько скандальная, нервная. По профессии преподаватель черчения в каком-то колледже.

Сразу было видно, что у нее проблемы в личной жизни. И заключаются эти проблемы в том, что личной жизни нет.

Она терпеливо дождалась очереди, правда, заходила пару раз справляться, все ли идет по плану, и несколько волновалась.

– Я от этой процедуры многого жду, – ни с того ни с сего интимно призналась она мне.

Я же не видел в этой процедуре ни малейшего интереса.

И сильно ошибся, как вскоре выяснилось.

Когда настала ее очередь, тетка явилась накрашенная и завитая, при параде, ее усадили на стул (к этому времени мы уже знали, что зовут ее Калерия Павловна), вошла Си,

стандартно настроилась, ввела клиентку в паранормальное состояние и проворковала:

– Я хотела бы знать, кто вы? Как вас зовут?

И тут Калерия Павловна бухнула:

– Иосиф Виссарионович Джугашвили.

Да, именно так она и сказала, ядрён батон.

Си поперхнулась. Я даже понял, каким словом она поперхнулась. Его шепотом выговорил Костик, так что я услышал.

Последовала пауза. Ну, не спрашивать же ее или его, где он живет, кем работает и когда умер? Что вообще можно спросить в такой ситуации?

Си набрала побольше воздуха и спросила, глядя тетке Сталин в глаза:

– Жалеете о содеянном?

– О чем мне жалеть? – раздумчиво, с небольшим акцентом начала Калерия Павловна. Ей очень не хватало трубки в руках. – Ми знали, на что идем. И ми своего добились. А какой ценой – об этом пусть судят потомки.

– Да уже осудили, будьте уверены, – сказала Сигма.

– Ви думаете? – спокойно сказала тетка Сталин.

– Расскажите, кто Кирова убил? – вдруг спросила Сигма.

– Николаев его убил. Слушай, зачем детские вопросы задаешь? Об этом в «Истории ВКП(б)» четко написано, – сказала Калерия Павловна недовольно.

Сигма явно растерялась, да и мы тоже.

Она взглянула на часы и сказала:

– Спасибо. К сожалению, наш сеанс окончен.

И выскочила из зала.

Калерия Павловна подобрала свою сумку и проследовала к выходу. Значительности в ней стало на порядок больше. А может, нам так показалось.

Когда мы вышли в магазин, Калерия Павловна как ни в чем не бывало расплачивалась со Шнеерзоном. Он ей выбил чек в кассе на тысячу рублей, и тетка Сталин удалилась, весьма довольная.

– Я как-нибудь к вам зайду, – пообещала она.

– Заходите, всегда вам рады, – улыбался вслед Шнеерзон.

Как только за теткой Сталиным закрылась дверь, Костик подошел к Шнеерзону.

– А вы знаете, кем она была в прошлой жизни? – небрежно спросил он.

– Наверное, акулой. Есть в ней что-то хищное, – улыбнулся Шнеерзон.

– Вы почти угадали. Она была Сталиным.

– Кем? – Шнеерзон побледнел.

– Иосифом Виссарионовичем.

– Где Си?! – взвизгнул Шнеерзон и кинулся в подсобку, а мы побежали на склад.

Си нигде не было. И тогда я, нарушая инструкцию, запрещавшую мне покидать пост, побежал в «Инкол».

Си сидела за столиком и курила. Перед нею стоял почти допитый графинчик водки и рюмка.

Он подняла на меня глаза.

– Вот так, Джин. Доигралась...

– Да что ты... Ну, подумаешь... – неуверенно сказал я.

Я подсел к ней и обнял за плечи, а она положила голову на мое плечо и заплакала.

– Бля, что же я наделала... – шептала она.

Глава 3. Мачик

Вот что было странно: мы все чувствовали, что произошло нечто непредсказуемое и опасное, но на самом деле – почему нам так казалось? Что особенного произошло?

Ну, жила эта тетка Калерия Павловна целых пятьдесят лет с душой тирана, если Си не ошиблась, к слову сказать, или тетка не сумасшедшая. А вдруг чары Сигмы на нее не действуют, а паранойя налицо?

– Да?! – возмутилась Сигма, когда я высказал такое предположение. – Это вы с Костиком только слышали ее ответы, а я же его видела! Усатого, во френче! С трубкой! Видела своими глазами!

Было ощущение гигантского государственного недосмотра. Как же так: умер вождь и тиран, его положили в Мавзолей, потом оттуда вытащили, цацкались с ним – то возносили на щит, то низвергали, кучу бумаги извели... А в это время его душа спокойненько отсиживалась у какой-то неизвестной никому тетки, учительницы черчения?

С одной стороны это доказывало полнейшую свободу души, как оно и должно быть. А с другой – оставалось какое-то чувство несправедливости. Как же так? За что боролись, так сказать? Получалась какая-то совершенно излишняя демократия в распределении душ.

– А если бы он в вошь переселился? – высказал мечта-

тельное предположение Костик. – Мог?

– Выходит, что мог, – подтвердил я.

– Так зависит от этой души что-нибудь или нет?! – вскричала Си. – Сталин-вошь! Это тогда должна быть какая-то чувовищная, совершенно выдающаяся вошь!

– Не обязательно, – сказал Костик. – Только в сочетании с конкретной оболочкой. Возьми воду. Налей ее в клизму. И возьми Тихий океан. И там и там – вода...

– Душа была неопознана. А теперь она опознана – вот в чем дело. И это может выйти нам боком., – сказал я.

Между прочим, Шнеерзон тоже так считал. Он перепугался по самое не могу. С минуты на минуту ждал ФСБ. Сеансы демонстрации светомузыки прекратил. Вообще, непонятно с чего возникла вдруг нервная обстановка.

Все было бы ничего, если бы Калерия Павловна Джугашвили оказалась умной женщиной. Хотя бы как ее душевный предок. Но она не преминула объявить о своем духовном отце коллегам, те, естественно, сочли ее сумасшедшей, она сослалась на Сигму и... машина завертелась!

К этому времени Сигма обследовала уже примерно две сотни клиентов, желающих узнать происхождение своей души. Так что свидетелей было навалом. А желающих высказаться по этому поводу в прессе еще больше.

Уже через день примчалась корреспондентка «Московского комсомольца».

– Где тут у вас Сталина прячут? – неудачно пошутила она,

на что Сигма рывкнула:

– Заткни хавало, сучка!

Не лучшее начало интервью. Фраза, конечно же, попала в газету, где Сигма была обрисована мало того, что шарлатанкой, но и первостатейной хамкой. Шнеерзон кое-как смягчал ситуацию, говорил об экспериментах, ди-джеях, молодежных приколах – короче, нес несусветную чушь, лишь бы выгородить Сигму, то есть себя, конечно, в первую очередь.

Еще через день в «Секретных материалах» вышел разворот с портретом этой дуры Калерии Павловны и аршинным заголовком: «ОНА БЫЛА СТАЛИНЫМ!»

А еще через день к Шнеерзону явился-таки следователь прокуратуры и долго беседовал с ним в кабинете.

Шнеерзон вышел оттуда с душой в пятке, однако Сигма не проверяла – в какой, ей было не до этого.

– Си, пиши заявление, ничего не могу сделать, – сказал он Сигме. – И лучше скройся на время. Наверх пошло, – он воздел глаза к потолку.

Ну да. Всплыло уже в столице, как и полагается всяческому дерьму. Уже какой-то депутат сделал заявление, а другой ему ответил. Уже требовали вмешательства Президента, как всегда.

– Куда же я скроюсь? – растерянно спросила Сигма.

Круглая сирота-подкидыш, умеющая читать чужие души.

– Живи у меня, – вдруг сказал я. – Там тебя никто не знает.

– А ты? – спросила она.

– И я там же, – улыбнулся я. – Скажу, что ты моя невеста.

Си вдруг потупилась и покраснела.

– Ну... конечно... Вы ведь взрослые люди... – неуверенно сказал Шнеерзон. – Но мы ничего не знаем, договорились?

– Ладно, вот я спироскоп закончу, они тогда попрыгают, – пообещал Костик.

Итак, визиты первой и третьей власти состоялись. Я в этом вопросе путаюсь – кто же вторая власть? Никогда не знал.

Оказалось, криминальный элемент.

И тут нам крупно повезло. Совершенно случайно.

Не успела Си уволиться и спрятаться у меня, как к нам заявились мафиози. Они подъехали на «мерседесе» и джипе. Из «мерседеса» вышел вразвалку молодой толстый грузин или армянин в длинном пальто и спустился к нам в полуподвал в сопровождении выскочившей из джипа охраны.

– Кто тут есть? – спросил он, не повышая голоса, но все услышали.

И тут я его узнал. Это был Мачик, как все его звали в школе боевых искусств, которую мы вместе посещали три года назад и даже работали в спарринге, хотя весовые категории у нас разные.

То ли это было имя, то ли производное от «мачо», но в данном случае это не играет роли.

– Мачик! Узнаешь? – воскликнул я.

Он обернулся. Охранники приняли боевую стойку.

– Жека! – Мачик сделал два шага ко мне и заключил в объятия. – Рад видеть, генацвале! Ты что здесь делаешь?

– Работаю, как видишь.

Мачик оценивающе осмотрел меня, наклонился к моему уху, сказал негромко:

– Будешь в другом месте работать.

Затем объявил подоспевшему и, как всегда, перепуганному Шнеерзону:

– У вас друг мой работает, а я и не знал!

Шнеерзон изобразил на лице фальшивую радость.

– Это меняет дело... Вот что, – Мачик обернулся к своим парням. – Гиви останется тут, Ашот поедет с нами, а мы с Жекой поедем поужинаем на часок. Вы не возражаете, если Гиви подменит вашего охранника? Мы с ним давно не виделись, поговорить надо...

– Как вам будет уго... удобно, – сказал Шнеерзон.

Конечно, это было нарушение – покидать пост во время дежурства, но... я поехал.

«Мерседес» привез нас в ресторан «Феллини», что на Малой Конюшенной. Там такие маленькие закуточки, оформленные в разных стилях. Мачик выбрал кабину, оформленную под ванную комнату, и сказал, чтобы сюда больше никого не подсаживали.

– Слушаю-с, – официант изогнулся.

А дальше мы провели два часа в этом заведении, вкушая

разные чудесные блюда и напитки, и вели разговор. На общие воспоминания о школе боевых единоборств мы отвели пять минут, остальное было посвящено проблеме Сталина.

Точнее, проблеме Сигмы.

– Я с Чукотки только что. Ромка возил показывать свою новую юрту. Пятиэтажная юрта, представляешь? С лифтом! – рассказывал Мачик. – Он же чукча теперь. Ему положено в юрте жить, – Мачик рассмеялся.

– Ромка – это...

– Ну да, кореш мой... Прилетел, а тут такое дело. И я почувал деньги.

Вот что он умел – это чують деньги.

Он чуюл их – большие и маленькие, честные и криминальные, заработанные потом и кровью и свалившиеся с неба. Но чаще все же легкие или неожиданные, пришедшие в результате оригинальной идеи.

В нашем случае было как раз это. Легкости идея не сулила, но неожиданностей в ней было до черта.

– Ты мне для начала скажи: фуффло это или нет? Прикалывается девка или там правда что-то есть? – спросил Мачик.

– Похоже, все чисто. Видит. Меня, знаешь, кем увидела?

– Кем?

– Джином Винсентом!

– Отцом рокабилли?! – Мачик рассмеялся, довольный. – Погоди, мы из этого тоже сотворим что-нибудь.

Не ожидал я от него такой музыкальной эрудиции.

– Собственно, мне все равно: есть у нее эти способности или нет. Все равно придумано гениально. То, что вы пытались бабки срубить по-мелкому, это... ну понимаешь... – Мачик повертел в руках вилку. – Это вот этой вилкой перекидать воз сена. А тут мно-ого сена! Тут на несколько лимон-нов сена! – глаза его загорелись.

– Как? Мы ведь тоже думали.

– Они думали! – с чувством нескрываемого превосходства проговорил Мачик. – Они думали! Придурочная девка, старый еврей и его вышибала. Специалисты!.. Ладно, извини. Каждый своим делом должен заниматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.